S 44/252
т. 2
ксерокопия

44
252

В. РОЗАНОВЪ

ОПАВШІЕ ЛИСТЬЯ

КОРОБЪ
ВТОРОЙ
И
ПОСЛѢДНІЙ

ПЕТРОГРАДЪ

44/252

Pl-78/15738

Опавшіе листья.

В. Розановъ.

Коробъ 2-й.

ПЕТРОГРАДЪ
1915

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ФР 33-5601
reproduction

2007041720

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Эртелевъ, 13

Чѣмъ старше дерево, тѣмъ больше падаетъ съ него листьевъ. Завѣщая по «†» моей перепечатывать всѣ аналогичныя и продолжающія «Уедин.» и «Опав. листья» книги въ томъ непремѣнно видѣ, какъ напечатаны онѣ (т. е. съ новой страницы каждый новый текстъ), я, въ цѣляхъ компактности и, слѣд., ускоренія печатанія «павшихъ листовъ», отступаю отъ прежней формы, съ крайнимъ удрученіемъ духа.

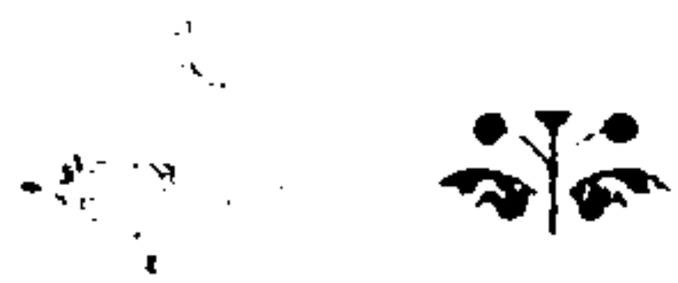
«Опав. листья» изд. 1913 г. представляютъ 1/2 *или* 1/3 *того, что записалось за 1912 г., причемъ печатались они въ такомъ состояніи духа, что я ихъ почти не приводилъ въ порядокъ хронологически. Такъ, все помѣченное* **«Клиника Елены Павловны»**—*относится къ* **октябрю, ноябрю и декабрю мѣсяцамъ,** — *и должно быть отнесено въ конецъ изданія за этотъ годъ. Вообще же печатающееся нынѣ должно быть какъ-бы «стасовано» («тасуемъ карты») съ изданнымъ въ 1913 году,—листокъ за листомъ, — и, во всякомъ случаѣ, не въ томъ порядкѣ и видѣ, какъ было издано въ 1913 г.*

Во 2-мъ коробѣ листы лежатъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, насколько его можно было возстановить по помѣткамъ и по памяти.

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякій дурной корень она жадно хватаетъ и произращаетъ изъ него обильнѣйшіе плоды. А добрый корень умерщвляетъ.

(смотря на портретъ Страхова: почему изъ «сочиненій Страхова» ничего не вышло, а изъ «сочиненій Михайловскаго» вышли школьные учителя, Тверское земство и множество добросовѣстно работающихъ, а частью только болтающихъ, лекарей).

Страшная пустота жизни. О, какъ она ужасна...



Теперь въ новыхъ печкахъ повернулъ ручку въ одну сторону — труба открыта, повернулъ въ другую сторону — труба закрыта.

Это не благочестиво. Потому что нѣтъ разума и заботы.

Прежде, возьмешь маленькую вьюшку— и надо ее не склонить ни вправо, ни влѣво— и она ляжетъ разомъ и пріятно. Потомъ большую вьюшку,—и она покроетъ ее, какъ шапка.

Это правильно.

Разъ я видѣлъ новое житво: не мужикъ, а рабочій сидѣлъ въ чемъ-то, ни— телѣга, ни — другое что̀, ее тянула пара лошадей; колымага колыхалась, и мужикъ въ ней колыхался. А справа и слѣва отъ колымаги, какъ клешни, вскидывались кверху не то ко́сы, не то грабли. И дѣлали дѣло, не спорю — за двѣнадцать дѣвушекъ. Только дѣвушки-то эти теперь сидѣли съ молодцами за лѣскомъ и финтили. И сколько имъ ни наработаетъ рабочій съ клешнями, онѣ все профинтятъ.

Выйдутъ замужъ — и профинтятъ мужнее.

Мужъ, видя, что жена финтитъ — завелъ себѣ на сторонѣ «зазнобушку».

И повалилось хозяйство.

И повалилась деревня.

А когда деревни повалились—зачернѣлъ и городъ.

Потому что не стало головы, разума и Бога.

Несутъ письма, какіе-то теософическіе журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачѣмъ мнѣ?

«Прочти и загляни».

Да почему я долженъ во всѣхъ васъ заглядывать?

То знаніе цѣнно, которое острой иголкой прочертило по душѣ. Вялыя знанія — безцѣнны.

(на поданной почтовой квитанціи).

Съ выпученными глазами и облизывающійся—вотъ *я*.
Некрасиво?
Что̀ дѣлать:

...иногда кажется, что̀ во мнѣ происходитъ разложеніе литературы, самаго *существа ея*. И, можетъ быть, это есть мое міровое «emploi». Тутъ и моя (особая) мораль, и имморальность. И вообще мои дефекты и качества. Иначе, нельзя понять. Я ввелъ въ литературу самое мелочное, мимолетное, невидимыя движенія души, паутинки быта. Но вообразить, что это было возможно потому, что «я захотѣлъ», никакъ нельзя. Сущность гораздо глубже, гораздо лучше, но и гораздо страшнѣе (для меня): безгранично страшно и грустно. Конечно, не бывало еще примѣра, и повтореніе его немыслимо въ мірозданіи, чтобы въ тотъ самый мигъ, какъ слезы текутъ, и душа разрывается—я почувствовалъ не ошибающимся ухомъ слушателя, что онѣ те-

кутъ литературно, музыкально, «хоть записывай»: и вѣдь только потому я записывалъ («Уединенное»,—дѣвочка на вокзалѣ, вентиляторъ). Это такъ чудовищно, что Неронъ бы позавидовалъ; и «простимо» лишь потому, что фатумъ. Да и простимо-ли?.. Но оставимъ грѣхи; такимъ образомъ явно во мнѣ есть какое-то завершеніе литературы; литературности; ея существа,—какъ потребности отразить и выразить. Больше что-же еще выражать? Паутины, вздохи, *послѣднее уловимое*. О, фантазировать, творить еще можно: но вѣдь суть литературы не въ *вымыслѣ-же*, а въ потребности *сказать сердце*. И вотъ съ этой точки я кончаю и кончилъ. И у меня мелькаетъ странное чувство, что я *послѣдній* писатель, съ которымъ литература вообще прекратится, кромѣ хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станутъ просто *жить*, считая смѣшнымъ и ненужнымъ, и отвратительнымъ литераторствовать. Отъ этого, можетъ быть, у меня и сознаніе какого-то «послѣдняго несчастія», сливающагося въ моемъ чувствѣ съ «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично послѣдней трагедіей: ибо въ немъ какъ-то діалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячилѣтнее «я» литературы.

— Фу, гадъ! Исчезни и пропади!

Это частое мое чувство. И какъ тяжело съ нимъ жить.

(дожидаясь очереди пройти исповѣдываться). (1-ая гимназія).

Какіе добрые бываютъ (иногда) попы. Иванъ Павлинычъ взялъ подъ мышку мою голову, и, дотронувшись пальцемъ до лба, сказалъ:—«Да и что̀ мы можемъ знать *съ нашей черепушкой*»? (мозгомъ, разумомъ, черепомъ). Я ему сказалъ разные экивоки и «сомнѣнія» за го̀ды Рел.-фил. собраній. И такъ сладко было у него поцѣловать руку. Исповѣдывалъ кратко. Ждутъ. Служба и доходы. Такъ «бытъ» мѣшается съ небеснымъ глаголомъ,—и не забывай о бытѣ, слушая глаголъ, а, смотря на бытъ, вспомни, что ты, однако, слышалъ и глаголы. Но Слободской—глубоко безкорыстенъ. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень).

Есть люди, которые рождаются «ладно», и которые рождаются «не ладно».

Я рожденъ «не ладно»: и отъ этого такая странная, колючая біографія, но довольно любопытная.

«Не ладно» рожденный человѣкъ всегда чувствуетъ себя «не въ своемъ мѣстѣ»: вотъ, именно, какъ я всегда чувствовалъ себя.

Противоположность—бабушка (А. А. Руднева). И ея благородная жизнь. Вотъ кто родился... «ладно». И въ бѣдности, ничтожествѣ положенія — какой непрерывный *свѣтъ* отъ нея. И польза. Отъ меня, я думаю, никакой «пользы». Отъ меня—«смута».

Я могъ-бы наполнить багровыми клубами дыма міръ... Но не хочу.

[*«Люди луннаго свѣта»* (*если-бы настаивать*); *22 марта 1912 г.*].

И сгорѣло-бы все... Но не хочу.

Пусть моя могилка будетъ тиха и «въ сторонкѣ».

(*«Люди лун. св.»*, *тогда-же*).

Работа и страданіе—вотъ вся моя жизнь. И утѣшеніемъ — что я видѣлъ заботу «друга» около себя.

Нѣтъ: что я видѣлъ «друга» въ самомъ себѣ. «Портретное» превосходило «работное». Она еще болѣе меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висѣла,—въ гнѣвѣ на недвижность (весна 1912 года), она остановясь среди комнаты—нѣсколько разъ взмахнула обѣими руками: правая дѣлала полный оборотъ, а лѣвая—поднималась только на небольшую дугу, и со слезами стала выкрикивать, какъ-бы топая на больную руку:

— Работай! Работай! Работай! Работай!

У ней было все лицо въ слезахъ. Я замеръ. И въ восторгѣ, и въ жалости.

(лѣвая рука имѣетъ жизнь только въ плечѣ и локтѣ).

«Ты тронь *кожу* его», — искушалъ Сатана Господа объ Іовѣ...

Эта «кожа» есть у всякаго, у всѣхъ, но только она не одинаковая. У писателей, такихъ великодушныхъ и готовыхъ «умереть за человѣка» (человѣчество), вы попробуйте задѣть ихъ *авторство*, сказавъ: «*плохо пишете*, господа, и *скучно* васъ читать»,—и они съ васъ кожу сдерутъ. Филантропы, кажется, очень не любятъ «*отчета* о деньгахъ». Что касается «духовнаго лица», то оно, конечно, «все въ благодати»: но вы затроньте его со стороны «рубля» и наградъ—къ празднику—«палицей», крестомъ или камилавкой: и «лицо» начнетъ такъ ругаться, какъ-бы русскіе никогда не были крещены при Владимірѣ...

(получивъ письмо попа Альбова).

Ну, а у тебя, Вас. Вас., гдѣ «кожа»?

Сейчасъ не приходитъ на умъ, но, конечно — *есть*.

Поразительно, что у «друга» и Устьинскаго нѣтъ «кожи». У «друга» — навѣрное, у Устьинскаго—кажется, навѣрное. Я никогда не видѣлъ «друга» оскорбившимся *и въ отвѣтъ разгнѣванныемъ* (въ этомъ все дѣло, объ этомъ Сатана и говорилъ). Восхитительное въ немъ—полная и спокойная